

РЕПУТАЦИЯ И СТАТУС В СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ ДАНИИ

Н. Е. Белухин^{1, 2}

В. В. Воротников^{1, 3}

С. Ю. Дианина¹

¹ Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76

² Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, 117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, 23

³ Институт Европы РАН, Россия, Москва, ул. Моховая, 11, стр. 3

Поступила в редакцию 20.03.2023 г.

Принята к публикации 05.05.2023 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2023-3-1

© Белухин Н. Е., Воротников В. В., Дианина С. Ю., 2023

Статья ставит целью оценить значение статуса и союзнической репутации для стратегической культуры Дании. Среди датских ученых-международников сложилось устойчивое представление о том, что одним из ключевых мотивов использования вооруженной силы в датской внешней политике выступало стремление сформировать особые отношения с США и добиться неформального статуса привилегированного союзника, который бы подтвердил гарантии национальной безопасности Дании, представил стране особую роль в принятии решений и формировании повестки дня в рамках НАТО, ЕС и в трансатлантическом сотрудничестве. В рамках исследования проведен анализ стратегий внешней политики Дании за 2017–2018, 2019–2020, 2022 и 2023 гг. с целью проверить, насколько представления экспертов находят отражение в тексте концептуальных документов. Анализ подтвердил тенденции «супертатлантизма» в современной стратегической культуре Дании и выявил его тесную связь с представлением о США как гаранте либерального миропорядка и связанных с ним многосторонних институтов. Датский внешнеполитический милитаризованный ценностный активизм в постбиполярную эпоху тем самым имеет не только прагматический, но и идеологический характер, так как направлен на продвижение либеральных ценностей, демократии и прав человека в условиях американского лидерства. В заключение делается вывод о том, что изучение категории статуса в рамках стратегической культуры может дополнить объяснения формирования сообществ безопасности, стратегий союзничества и динамики отношений внутри различных типов альянсов.

Ключевые слова:

Дания, стратегическая культура, США, НАТО, ЕС, репутация, особые отношения, Арктика

Введение. Экспертные дискуссии о вопросах статуса и репутации в стратегической культуре Дании

Для Дании как малой страны, которая не способна самостоятельно обеспечить национальную безопасность, исторически остро стояли вопросы отношений с ключевыми союзниками и репутации страны в их глазах. В этом отно-

Для цитирования: Белухин Н. Е., Воротников В. В., Дианина С. Ю. Репутация и статус в стратегической культуре Дании // Балтийский регион. 2023. Т. 15, № 3. С. 4–28. doi: 10.5922/2079-8555-2023-3-1.

шении опыт Дании скорее подтверждает повышенную озабоченность малых государств вопросами статуса, суверенитета, формального и фактического равенства с другими участниками международных отношений, главным образом более крупными и влиятельными государствами [1]. В случае Северной Европы тезис об особом внимании малых стран к вопросам статуса и положения в международной иерархии можно наглядно проиллюстрировать критикой со стороны бывшего министра иностранных дел Норвегии Й. Г. Стёре в отношении состава G20, куда ни одна из них не была включена¹. По мнению исследователей, подобная критика объяснялась попыткой добиться для Северной Европы членства в этом форуме и, как следствие, большего влияния в мировой политике. Те же мотивы повышения статуса и создания репутации надежного безотказного союзника действовали и в случае объявления Швецией проведения «феминистской» внешней политики в 2014 г., и во время участия Дании в интервенции в Ирак в 2003 г. [2]. Исследователи также отмечают, что в силу низкого положения в международной иерархии страны Северной Европы оказываются вынуждены конкурировать за положение, которое условно можно обозначить как статус «хорошей страны» (буквально «good power»), что подразумевает обращение к ценностям для повышения этого статуса и создание имиджа надежных партнеров в отношениях с ведущими державами или в рамках многосторонней дипломатии и международных организаций [3].

Касаясь общих вопросов безопасности малых стран, Н. Ю. Кавешников в своем ключе отмечает, что положение этих стран исторически характеризовалось «невозможностью обеспечить собственную безопасность» в силу ограниченных ресурсов, что приводит их к необходимости выбора между тремя основными стратегиями поведения: 1) балансирование между державами; 2) получение гарантий безопасности, защиты или протектората со стороны великой державы; 3) создание издержек, которые бы способствовали невыгодности получения и поддержания контроля над территорией малой страны [4]. Принимая во внимание особую чувствительность стран Северной Европы к вопросам статуса, представляется, что для Дании особо актуальна именно вторая стратегия поведения в рамках альянса НАТО, ЕС и в двусторонних отношениях с США. Более того, актуальность изучения именно датского кейса объясняется тем, что, пожалуй, никакая другая страна Северной Европы так не стремилась использовать применение вооруженной силы и участие в международных операциях в качестве инструмента увеличения репутации и повышения «видимости» в глазах США, как Дания. Это подтверждается тем, что Дания потеряла в Афганистане 44 военнослужащих (37 убиты в бою, 7 умерли от болезней или несчастного случая)², больше, чем во всех операциях и миссиях после Второй мировой войны. Всего в 2002—2018 гг. в ходе международных операций погибли 53 датских военнослужащих³, в то время как за время

¹ Ertel, M. 2010, Norway Takes Aim at G-20 «One of the Greatest Setbacks Since World War II», *Spiegel*, URL: <https://www.spiegel.de/international/europe/norway-takes-aim-at-g-20-one-of-the-greatest-setbacks-since-world-war-ii-a-702104.html> (дата обращения: 26.03.2023).

² Jensen, L. B. 2021, Efter 20 år i Afghanistan: Det har krigen kostet i liv, kræfter og kroner, *Altinget*, URL: <https://www.alinget.dk/udvikling/artikel/efter-20-aars-krig-i-afghanistan-det-har-den-kostet-i-liv-kraeften-og-kroner> (дата обращения: 10.03.2023).

³ Karkov, R. 2023, Tre blev dræbt af vådeskud, ti omkom i ulykker, de fleste døde i kamp — ny kortlægning af udsendte soldaters død, *Berlingske*, URL: <https://www.berlingske.dk/samfund/tre-blev-draebt-af-vaadeskud-ti-omkom-i-ulykker-de-fleste-doede-i-kamp-ny> (дата обращения: 10.03.2023).

норвежского присутствия в Афганистане — лишь 10¹. Главнокомандующий ВВС Дании генерал-майор Нильсен, говоря об участии датских вооруженных сил в коалиции против ИГИЛ, отмечал: «Ряд наших военнослужащих выполнил исключительный объем работы. Они начали проводить боевые операции в октябре 2014 г. и с тех пор провели в боевых вылетах более чем 4000 тысячи часов и выполнили более 450 боевых миссий, сбросив более 350 бомб. Личный состав больше не может продолжать работать в таком темпе»². Таким образом, Дания стремилась внести такой вклад, который бы выделял ее на фоне других союзников, в операции под руководством США, даже если эти усилия истощали национальный оборонный потенциал.

Обращение к датскому опыту также вписывается в контекст растущего интереса исследователей к изучению стратегической культуры государств среднего уровня и малых стран, которые стремятся занять уникальные специфические ниши в международной системе [5]. Любопытным представляется и милитаризация внешней политики Дании после Холодной войны, которая ранее ассоциировалась с миротворчеством в рамках ООН, посредничеством и продвижением международного права. При анализе стратегической культуры Дании авторы опирались на разработки третьего поколения исследователей этого феномена, так как применение вооруженной силы Данией оказывается тесно связано с ее представлениями о миропорядке, демократических ценностях и собственной роли в евроатлантическом сообществе, которые выступают своего рода «национальными линзами» [6].

Тезис о важности статуса и репутации в глазах ведущих союзников для подтверждения или укрепления существующих гарантий безопасности наглядно подтверждается работами датских ученых-международников. К примеру, К. С. Кристенсен, с сентября 2022 г. директор Центра военных исследований Копенгагенского университета, характеризует Данию как «предприимчивого союзника» (*англ.* *entrepreneurial ally*), действия которого направлены на повышение значимости (*англ.* *relevance*) в первую очередь в глазах ключевого союзника — США. По мнению К. С. Кристенсена, подобная мотивация обусловлена тремя факторами: 1) стратегическим (тесные союзные отношения с США обеспечивают для Дании влияние, привилегированное положение среди других союзников и укрепляют существующие гарантии безопасности); 2) моральным (Дания исторически находится в долгу перед США в силу их вклада в победу над Германией во время Второй мировой войны и обеспечение безопасности страны во время Холодной войны, несмотря на периоды неконструктивного поведения Дании в НАТО, в частности период «политики оговорок» в 1982—1988 гг. [7]); 3) космополитическим (представление об использовании вооруженной силы США и европейскими союзниками как инструменте продвижения ценностей либерального миропорядка, прав человека, демократии и в целом достижения универсального блага для всего человечества) [8].

В период Холодной войны поведение Дании в альянсе приводило к ее восприятию как «нерадивого» союзника и не способствовало выстраиванию особых отношений с США, хотя и не вело к практическим шагам Вашингтона по «наказанию» неблагоданного союзника. Примечательно, что к концу Холодной войны за Данией в НАТО закрепилось прозвище «Prügelknabe» («мальчик для битья»). Его по-

¹ Veum, E. 2021, *Døde de forgjeves?*, NRK, URL: https://www.nrk.no/urix/dode-de-norske-soldatene-i-afghanistan-forgjeves_-1.15591861 (дата обращения: 11.03.2023).

² Schaub, G. Jr. 2015, *Denmark: Defence Woes In the Little U. S. Ally That Could*, *War On The Rocks*, URL: <https://warontherocks.com/2015/08/denmark-defense-woes-in-the-little-u-s-ally-that-could/> (дата обращения: 08.03.2023).

явление стало, с одной стороны, следствием низких оборонных расходов, которые за весь период Холодной войны 1949—1989 гг. находились гораздо ниже среднего уровня по альянсу (колебались на уровне от 2—3 % ВВП, ненадолго превышая 3 % в 1950-е гг., максимум был в 1955 г., когда оборонные расходы составили 3,5 % ВВП; по НАТО тот же показатель стабильно превышал 3 %, а до начала 1970-х гг. — 4 %, достигнув максимума в 6 % в 1953 г.) и ниже оборонных расходов таких сравнимых по экономическому потенциалу с Данией членов НАТО, как Бельгия, Нидерланды и Норвегия. С другой стороны, указанная роль была результатом шагов, которые не вписывались в рамки союзнической или блоковой солидарности, в частности поддержки предложения СССР о проведении СБСЕ и критики «двойного решения» НАТО [9]. Низкие оборонные расходы, отказ от размещения на своей территории американских военных баз и ядерного оружия (за исключением территории Гренландии, где располагалась авиабаза и РЛС Туле, продолжающая составлять важный элемент системы раннего предупреждения о ракетном нападении США, и реализовывался проект «Ледяной червь», который был свернут к концу 1960-х гг.) в мирное время, попытка ввести запрет на допуск в датские порты американских кораблей с ядерным оружием на борту, обсуждение проектов безъядерной зоны в Северной Европе в совокупности создавали противоречивый и неблагоприятный имидж Дании в НАТО и в глазах США, хотя в действительности либо оказывали минимальное, либо не оказывали вообще никакого негативного воздействия на практическую деятельность альянса [10]. К такому же выводу пришли сотрудники Датского института международных исследований, которые в феврале 2005 г. представили подробный четырехтомный доклад о внешней политике Дании в период Холодной войны (1945—1991)¹. Одним из выводов доклада было то, что во время Холодной войны Дания, несмотря на статус «союзника с оговорками» как формально, так и в восприятии Вашингтона, в политическом и военном плане становилась все более интегрированной в структуры НАТО, а союзники Дании воспринимали ее как верного члена альянса.

Позднее желание датского правительства исправить этот негативный образ дало толчок к так называемому «суператлантизму»/«сверхатлантизму» Дании, который проявлялся в «милитаризации» внешней политики, безусловной поддержке американских внешнеполитических инициатив и идеологии, а также в особо тесных отношениях с США. Так, Дания как «суператлантист» однозначно поддержала вторжение США в Ирак в 2003 г., присоединившись к «коалиции желающих», в то время как другие малые члены альянса, к примеру Бельгия, Норвегия и Греция, раскритиковали операцию [11]. Х. Моуритцен в этой связи также отмечает, что, несмотря на конкуренцию Копенгагена и Стокгольма за неформальный статус лидера Балтийского региона и главного проводника стран Балтии в евроатлантические институты в глазах США в 1990-х гг., ориентация на миротворчество и институты ООН оказалась более устойчивой в Швеции и Норвегии по сравнению с Данией [12].

Дания скорее следовала стратегии примыкания к США: последовательно снижала оборонные расходы, поддерживала трансформацию функционала и задач НАТО, подготавливала страны Балтии к вступлению в НАТО, участвовала в основных *ad hoc* коалициях, созданных США с привлечением европейских союзников в 1990—1991 гг. во время Войны в Заливе, в октябре 2001 г. во время операции в Афганистане и в марте 2003 г. во время интервенции в Ирак [13].

¹ Danmark under den kolde krig — den sikkerhedspolitiske situation 1945—1991, 2005, DIIS, URL: <https://www.diis.dk/publikationer/danmark-kolde-krig> (дата обращения: 05.03.2023).

После окончания Холодной войны Дания стремилась не просто соблюдать минимальные требования для членов НАТО, но и выстроить с США особые отношения, которые в перспективе могли бы сравниться с британо-американским образцом. Этим отчасти объясняется непропорционально высокий вклад Дании (главным образом если представлять размер контингентов, расходов на операции и потерь личного состава в расчете на душу населения) в коалиционные операции под руководством США и операции НАТО. Свидетельством признания успехов Дании стало назначение бывшего премьер-министра страны А. Ф. Расмуссена на пост Генерального секретаря НАТО (2009—2014) и верховного главнокомандующего вооруженных сил Дании К. Бартельса на пост председателя Военного комитета НАТО (2012—2015). В начале 2013 г. британской делегации во время визита в Вашингтон даже было негласно сказано, что им надлежало бы следовать «датскому образцу» [14].

Участие Дании в интервенциях США и НАТО на Балканах, в Ираке, Афганистане, Ливии и Сирии диктовалось в меньшей степени объективными интересами национальной безопасности, главным образом — желанием обрести большую видимость и престиж в глазах американского союзника. Этой цели был подчинен даже сам формат участия Дания в этих операциях, выбор районов для размещения датских контингентов, структура участвующих контингентов, финансовые и материальные затраты и другие аспекты. Условия участия датских контингентов в операциях специально были организованы таким образом, чтобы выделиться в глазах союзников. Особенность заключается не в том, что датские военнослужащие были способны решающим образом повлиять на ход боевых действий (датские политики хорошо осознают, что предоставляемые ими военные контингенты и ресурсы слишком незначительны для этой цели), а в том, что они участвовали в операциях без предварительных или дополнительных ограничений и оговорок, а также в боевых действиях в особо опасных районах и выполнении оперативных задач повышенного риска.

На практике это выразилось в том, что Дания предоставила истребители и силы специального назначения для операции в Афганистане еще до официальной просьбы США. Дания также стала:

- одним из пяти союзников США по коалиции, участвовавших во вторжении в Ирак на начальной фазе в 2003 г.;
- одним из шести членов НАТО, которые предоставили контингенты военнослужащих для размещения в Южном Афганистане в 2006 г.;
- одним из восьми членов НАТО, участвовавших в бомбардировке Ливии в 2011 г.;
- единственным государством наряду с Францией, которое поддержало угрозу США о проведении бомбардировок Сирии в 2013 г.;
- одним из шести членов НАТО, которые участвовали в бомбардировках ИГИЛ на территории Ирака в 2014—2015 гг. и на территории Ирака и Сирии в 2016 г.;
- одним из немногих участников проведения наземной операции на территории Сирии в 2017 г., которые предоставили подразделения ССО.

Кроме того, как показали разоблачения Э. Сноудена в 2013 г., именно датские спецслужбы помогли США прослушивать европейских политиков, за что американское АНБ подключило датскую военную разведку FE к деятельности «Клуба пяти глаз»¹.

¹ Антонов, М. 2021, В центре шпионской паутины: Дания подслушивала союзников для США. *Вести.ру*, 31 мая 2021, URL: <https://www.vesti.ru/article/2569154> (дата обращения: 05.03.2023).

Стремление к тому, чтобы датская активность была замечена и оценена по достоинству ключевыми союзниками, проявилось еще и в том, что датские F-16 в ходе операции НАТО «Объединенный защитник» («Unified Protector») сбросили 11 % (821) всех бомб, которые применили члены НАТО, принявшие участие в операции, а в ходе изначальной коалиционной операции «Восход Одиссея» Дания по сброшенным бомбам (102) уступила только США. При проведении ливийской операции Дания также поразила 17 % целей с воздуха и стала одной из первых стран, которые послали наземные контингенты¹. В 2014—2015 гг. Дания сбросила больше бомб (503) в ходе коалиционной операции против ИГИЛ на территории Ирака, чем авиация Соединенного Королевства и Франции [15].

Военные бюджеты, систематически сокращавшиеся на протяжении 2000—2010-х гг. (до принятия оборонного соглашения на 2018—2023 гг.), обширные затраты на участие в международных операциях, дефицит опытных технических и военных кадров вкупе с возвращением НАТО и США к приоритету на сдерживание России и усиление оборонного потенциала европейских стран в ходе саммитов НАТО в Уэльсе и Варшаве в 2014 и 2016 гг. существенно усложнили для Дании задачу поддержания репутации надежного и безотказного союзника. Хронические сложности в оснащении вооруженных сил Дании также привели к тому, что страна в марте 2022 г. планировала достичь целевого показателя оборонных расходов НАТО в 2 % ВВП сначала к 2033 г.; в декабре 2022 г. новое датское правительство сдвинуло сроки достижения этого показателя уже на 2030 г.² Это, однако, по-прежнему является длительным сроком, и датские военные аналитики опасаются, что страна может подвергнуться критике со стороны НАТО за недостаточно быстрое повышение оборонных расходов, особенно учитывая, что с саммита НАТО в Уэльсе в 2014 г., где был одобрен соответствующий целевой показатель, прошло уже почти десять лет, и то, что на Украине продолжаются боевые действия³. Ранее в октябре 2020 г. Дания подвергалась острой критике в отчете НАТО за многочисленные недочеты в подготовке планируемой бронетанковой бригады, радиоразведки и средств по борьбе с подлодками⁴.

Датские исследователи, занимающиеся внешней политикой и стратегической культурой Дании, приходя к консенсусу о том, что страна стала шире применять вооруженную силу, что приобрело большую легитимность и эффективность в восприятии политической элиты, по-разному оценивают как причины и итоги подобной трансформации внешней политики, так и соотношение атлантизма и европеизма в союзных отношениях Дании. Обзор основных взглядов ведущих датских экспертов на трансформацию внешней политики и стратегической культуры Дании приведен в таблице.

¹ Malmvig, H. 2019, Through Thick and Thin: Will Danish Military Engagements with the U. S. Endure in the Middle East?, *Foreign Policy Research Institute*, URL: <https://www.fpri.org/article/2019/08/through-thick-and-thin-will-danish-military-engagements-with-the-u-s-endure-in-the-middle-east/> (дата обращения: 09.03.2023).

² Krog, A. 2022, Ny regering: Forsvarsbudget skal udgøre to procent af BNP i 2030, *Altinget*, URL: <https://www.alinget.dk/artikel/ny-regering-forsvarsbudget-skal-udgoere-to-procent-af-bnp-i-2030> (дата обращения: 08.03.2023).

³ Lomholt, A. 2023, Danmark skal investere milliarder i Forsvaret — men snart kan regningen blive endnu større. *TV2*, URL: <https://nyheder.tv2.dk/samfund/2023-01-31-danmark-skal-investere-milliarder-i-forsvaret-men-snart-kan-regningen-blive-endnu> (дата обращения: 08.03.2023).

⁴ Белухин, Н. Е. 2022, Копенгаген пересматривает приоритеты национальной безопасности, *Российский совет по международным делам*, 28 марта 2022, URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/europeanpolicy/kopengagen-peresmatrivaet-prioritety-natsionalnoy-bezopasnosti/> (дата обращения: 09.03.2023).

**Внешняя политика и стратегическая культура Дании
после окончания Холодной войны
в оценках датских исследователей-международников**

Аспект анализа	Ханс Моуритцен [16]	Микаэль Ведбю Расмуссен [17]	Петер Вигго Якобсен [18]
Причины и факторы трансформации	Современные геополитические параметры и исторический геополитический опыт государства, а именно исчезновение советской угрозы, необходимость сохранения вовлеченности США в европейскую безопасность, предотвращения доминирования германо-французского тандема и потери влияния в связи с расширением ЕС и НАТО, осознание Данией исторического урока обязанности «бороться за свободу и мир, а не позволять другим делать это за нее»	Определяющими для стратегической культуры Дании были последовательные раскол и консенсус во внутренней политике Дании между сторонниками «космополитизма», опиравшимися на скандинавскую исключительность, морализм и невоенные инструменты внешней политики и считавшими вооруженную силу бесполезной, и «оборончества», отстаивающими полезность и необходимость ее развития наряду с другими европейскими государствами даже для малой страны, которые в начале 1990-х гг. объединились под знаменем «активизма», сменившего датскую концепцию «сдерживания» периода Холодной войны и включившего применение вооруженной силы в космополитический дискурс	Военный активизм Дании определяется тремя факторами: состоянием международной среды (природой угроз, возможностями для сотрудничества, характеристикой международного спроса на применение вооруженной силы), волей (внутриполитическим консенсусом), возможностями датских вооруженных сил. Ключевой составляющей датского «активизма» является то, что он связан с продвижением датских интересов и ценностей только в тех ситуациях, когда национальная безопасность и выживание никак не затрагиваются
Соотношение атлантизма и европеизма	После Холодной войны Дания осуществила переход от «подавленного» к стандартному атлантизму и с 2001 г. к «суператлантизму», предполагающему тесное взаимодействие с США и приверженность идеологии американской внешней политики; незначительная европеизация национальной оборонной политики в силу исключений в сфере оборонных аспектов ОВПБ/ОПБО ЕС	Одновременное членство в ЕС и НАТО сделало Данию более восприимчивой к трансформациям международного порядка по сравнению с другими странами Северной Европы в 1990-х гг. и стало толчком к осознанию того, что вооруженная сила может считаться продолжением идеи европейского единства и интеграции как проекта мира. Датский евроскептицизм при этом, вероятно, дополнительно поспособствовал милитаризации внешней политики. «Активизм» изначально связан с построением особых отношений с США, но предположительно может быть продолжен и в других контекстах	Датский «активизм» напрямую не связан с членством страны в НАТО или позицией США в качестве глобального лидера, а исторически является инструментом внешней политики Дании с 1920 г. ¹ . Окончание Холодной войны только ускорило более полное раскрытие уже сложившихся традиций. Тем не менее присутствие датчан в Афганистане и Ираке имело целью повысить репутацию в глазах США и попытаться выстроить с ними особые отношения [19]

¹ Датчане должны были стать частью контингента Лиги наций для надзора за проведением референдума в Вильнюсе в 1920 г., но эта миссия была отменена. Реальное начало «активизма», по мнению П. В. Якобсена, началось с участия датчан в подразделении Комитета по невмешательству в испанские дела, которое было выставлено на границе Испании и Франции в 1937—1939 гг.

Окончание табл.

Аспект анализа	Ханс Моуритцен [16]	Микаэль Ведбю Расмуссен [17]	Петер Вигго Якобсен [18]
Приобретенные выгоды, оценка успешности трансформации	Обмен конфиденциальной информацией, более высокий статус в глазах Вашингтона по сравнению с другими европейскими странами, привилегированные отношения с США дают Дании больше влияния на реформы НАТО и преобразование трансатлантических отношений	Трансформация и модернизация датских вооруженных сил, их превращение из средства национальной обороны в инструмент проецирования силы, восприятие вооруженной силы как легитимного и эффективного инструмента для реагирования на глобальные угрозы	Дания приобрела престиж и влияние в глазах Вашингтона, которые, однако, напрямую зависят от стабильной возможности страны предоставлять долгосрочные и эффективные контингенты для участия в международных операциях
Негативные последствия трансформации	Накопление противоречий во внутренней политике, конфликт с общей идентичностью стран Северной Европы (пространства «Norden»), соперничество с другими членами ЕС (прежде всего Нидерландами и Польшей) за расположение Вашингтона, риск восприятия Дании как сателлита и голоса США в ЕС	Внутриполитические дискуссии и противоречия по поводу «истинного» и «ложного» активизма обостряются, применение вооруженной силы больше не связано с европейским проектом мира и европейской интеграцией, что может вызвать новые расколы	Истощение вооруженных сил Дании, необходимость их фундаментальной модернизации и обновления особенно в контексте возвращения НАТО к курсу на сдерживание и противостояние с Россией. Воля к продолжению «активистского» курса превышает реальные возможности вооруженных сил

В связи с особым положением Дании в ЕС Л. О. Бабынина отмечает, что, к примеру, действовавшие исключения в сфере оборонной интеграции «негативно сказывались не только на политическом статусе Дании, но и на развитии датской оборонной и связанной с ней промышленности», и указывает, что Дания все же могла бы принимать участие в важных направлениях сотрудничества, напрямую не связанных с ОПБО ЕС, таких как военная мобильность и противодействие киберпреступности и гибридным угрозам, за счет образования «серых зон» в области применения оговорки [20]. Датский международник О. Вэвер также считает, что Дании следовало бы проявить больший элемент европеизма во внешней политике, что более отвечало бы национальным интересам [19]. Кроме того, датские исследователи указывали и на то, что выбранные Данией параметры членства в ЕС способствовали накоплению противоречий в ее внешней политике. К примеру, ранее действовавшие исключения в сфере оборонной интеграции ЕС (*dam. forsvarsforbehold*) препятствовали проведению внешней политики, основанной на ценностях (*dam. værdibaseret udenrigspolitisk linje*). Так, по мнению Т. Флокхарт, специалиста Датского института международных исследований, Дания исторически проявляла сдержанное отношение к мерам, которые носили милитаристский и «великодержавный» характер, отдавая предпочтение шагам по мирному разрешению конфликтов, «наведению мостов», помощи развитию как инструменту обеспечения безопасности и инициативам, направленным на укрепление диалога, демократизацию и продвижение прав человека. В этом свете, с ее точки зрения, «оборонная оговорка» привела к непредвиденным последствиям, которые лишили Данию возможности следовать внешнеполитическим традициям, а в связи с концепцией «активистской» внешней политики (*dam. aktivistisk udenrigspolitik*) страна помимо этого стала ведущим участником международных военных операций, которые ранее были бы охарактеризованы как «милитаристские авантюры» [21]. Нали-

чие «оборонной оговорки» и активизм во внешней политике тем самым, по мнению одной группы (Т. Флокхарт, К. Ниссен, К. Стаурс, Х. Моуритцен, М. Р. Олесен и др.) датских исследователей, способствовали накоплению противоречий между стратегической культурой Дании и ее действиями на международной арене, особенно с учетом растущего сотрудничества ЕС и ООН.

Другая группа исследователей (М. Маркуссен, А. Вивель, Л. Майлз и др.) придерживалась иной точки зрения и считала, что значение датских оговорок существенно снизилось по сравнению с началом 1990-х гг. и их сохранение или отмена не имели решающего значения для внешней политики такой малой страны, как Дания, в 2000-х гг. Основным аргументом этих исследователей было то, что по мере развития глобализации у Дании в этот период появились более важные платформы для реализации внешней политики, чем ЕС, — главным образом опора на особые отношения с США. По мысли этих исследователей, «европейская необходимость» превратилась в «глобальную возможность», а датская внешняя политика перешла от «политики адаптации» к «активному интернационализму» [22]. Представляется, что эта позиция отражает скорее реалии 2000—2015 гг., но с избранием Д. Трампа президентом США в 2016 г., стратегическим курсом США на сдерживание Китая и отменой датских исключений в сфере оборонной интеграции ЕС в июне 2022 г. и последующим присоединением к военным операциям и миссиям ЕС и оборонному сотрудничеству в рамках PESCO Дания начала уделять существенно больше внимания европейскому направлению внешней политики. Это нашло отражение в стратегии внешней политики и безопасности Дании 2022 г., где три части в разделе приоритетов страны в международных организациях посвящены именно ЕС и сказано, что «Дания должна быть в сердце ЕС» и «стремиться к созданию более сильного ЕС на глобальной арене, который бы возглавил ценностную борьбу»¹. Однако подобное внимание и «возвращение» Дании в Европу можно рассматривать и как следование американским пожеланиям о более самостоятельном и сильном ЕС в оборонных вопросах.

Основные различия в экспертных оценках трансформации внешней политики Дании касаются конкретных выгод, которые страна приобрела в отношениях с США, и определения внешних структурных и внутренних факторов, вызвавших к жизни современный датский активизм. Отдельные исследователи, такие как П. В. Якобсен и А. Вивель [23], считают, что он исторически выступает элементом внешней политики Дании и лишь приобретает различную форму в зависимости от соотношения трех указанных в таблице факторов. Другие связывают его непосредственно с современным этапом, то есть исчезновением советской угрозы, ускорением глобализации, появлением новых угроз, возникновением практики гуманитарных интервенций, в отдельных случаях особо подчеркивая роль личности министра иностранных дел У. Эллеманна-Йенсена, который стоял за решением об отправке корвета «Ольферт Фишер» в Персидский залив для участия в поддержании санкций ООН в отношении Ирака [24], и премьер-министра А. Ф. Расмуссена. Оценки соотношения трансформации и преемственности в решении Дании присоединиться к операциям в Афганистане и Ираке, то есть того, можно ли подобные решения считать разрывом с идеями мирного северного интернационализма и переходом к более агрессивной дипломатии и практике интервенций, характерных для США и Соединенного Королевства, таким образом, сводятся к трем основным позициям: 1) современный датский активизм — это продолжение политики адаптации к позиции сверхдержав и великих держав, для него характерна преемственность с внешнеполитической адаптацией Дании периода Холодной войны; 2) датский активизм — это трансформация внеш-

¹ Udenrigs- og sikkerhedspolitik strategi. 2022. Udenrigsministeriet, 2022. URL: <https://um.dk/udenrigspolitik/aktuelle-emner/udenrigs-og-sikkerhedspolitik-strategi-2022> (дата обращения: 09.03.2023).

ней политики, которую можно рассматривать как разрыв с традициями интернационализма и как превращение Дании в стратегического игрока, активного участника вооруженных конфликтов, что отличается от адаптации периода Холодной войны и периода 1990-х гг.; 3) датский активизм — это разрыв, трансформация по сравнению с адаптацией периода Холодной войны, но он является продолжением общей традиции датского и общескандинавского интернационализма [25].

Говоря об оценке конкретных выгод, которые Дания получила благодаря активизму в отношениях с США, датские эксперты сходятся во мнении, что конкретные выгоды могли бы быть гораздо больше, если бы датские дипломаты пользовались приобретенными расширенными возможностями более систематически и стратегически, на практике же они больше руководствовались принципом *ad hoc*. В случае же с американской поддержкой кандидатуры А. Ф. Расмуссена на пост генерального секретаря НАТО позиция США объясняется не столько стремлением «наградить» датского союзника за проявленную готовность участвовать в операциях в Ираке и Афганистане, сколько в первую очередь тем, что А. Ф. Расмуссен рассматривался американской стороной в качестве политика, который во многом разделял взгляды Вашингтона на реформирование и стратегическое развитие НАТО, в целом придерживался американской картины мира и был готов при необходимости принимать непопулярные сложные решения. Примечательно, что его кандидатуру на решающих этапах переговоров внутри НАТО поддерживала именно администрация Б. Обамы, а не Дж. Буша-младшего, с которым А. Ф. Расмуссен имел тесные личные контакты [19].

Так или иначе исследовательским консенсусом относительно природы стратегической культуры Дании после окончания Холодной войны остается ее переход от использования преимущественно гуманитарной дипломатии, механизмов официальной помощи развитию, опоры на международное право, миротворчество и многостороннее сотрудничество в рамках ООН и стремления стать лидером по оказанию содействия развитию странам глобального Юга в период биполярного противостояния, когда Дания позволяла себе критику интервенций США во Вьетнаме и в целом в «третьем мире», к милитаризованной внешней политике, где основной составляющей стало участие страны во всех крупных операциях США на территории бывшей Югославии, в Афганистане, Северной Африке и на Ближнем Востоке, причем основной датской мотивацией во всех случаях выступало желание угодить США и выстроить особые отношения с Вашингтоном¹. При этом на уровне официальной риторики и в датских СМИ эти шаги подавались скорее в идеалистичном свете — как меры по предотвращению зверств, нарушений прав человека и продвижению демократии, свободы и верховенства права. Симптоматичны в этом свете слова премьер-министра А. Ф. Расмуссена, сказанные 29 августа 2003 г. во время празднования 60-летнего юбилея прекращения политики сотрудничества с немецкими оккупационными властями: «Уроком 29 августа 1943 г. должно стать то, что если мы всерьез относимся к нашим ценностям, свободе, демократии и правам человека, то должны прикладывать активные усилия, чтобы их защитить... Даже когда требуется принятия непопулярных и опасных решений». Называя политику сотрудничества с немцами в период оккупации и «политику оговорок» в 1980-х гг. национальным и моральным предательством, А. Ф. Расмуссен сравнивал участие Дании во вторжении в Ирак с отважными действиями борцов датского сопротивления, которые показали, что Дания однозначно заняла сторону союзников во Второй мировой войне [26].

¹ Malmvig, N. 2019, Through Thick and Thin: Will Danish Military Engagements with the U.S. Endure in the Middle East?, *Foreign Policy Research Institute*, URL: <https://www.fpri.org/article/2019/08/through-thick-and-thin-will-danish-military-engagements-with-the-u-s-endure-in-the-middle-east/> (дата обращения: 09.03.2023).

Открытым остается вопрос, можно ли по-прежнему считать Данию «сверхатлантистом», или стоит говорить о постепенном переходе страны к позициям умеренного атлантизма. А. Вивель считает, что продолжение «суператлантизма» во внешней политике Дании сталкивается со значительными трудностями и неопределенностью, так как США уделяют все больше внимания росту военных расходов союзников и укреплению европейской безопасности в непосредственной географической близости от Дании — в Балтийском море. Для Дании важными выгодами особых отношений с США при этом остаются привилегированный доступ к контактам с американскими официальными лицами и уточнение внешнеполитической позиции США по важным для страны вопросам [12]. С процессом присоединения Швеции и Финляндии к НАТО, которые также претендуют на особый статус в отношениях с США и даже добились гарантий безопасности от США, Великобритании, Франции, Германии и североευропейских соседей, и в условиях необходимости осуществлять военно-техническую поддержку Украины, где Дании сложно выделиться на фоне остальных, поддержание статуса «суператлантиста» потребует как иных инструментов и шагов по сравнению с более ранним периодом, так и существенно большего объема усилий, чтобы не затеряться на фоне Польши, Швеции, Финляндии и стран Балтии.

Представляется, что многое в этом случае будет зависеть от датского восприятия США как эффективного гаранта либерального международного порядка и расстановки сил в датском парламенте, где растут настроения в пользу укрепления европейского оборонного сотрудничества и налаживания контактов с Францией и Германией. Хотя Дания сохраняет сегодня присутствие на Ближнем Востоке, она более озабочена развитием военно-политической ситуации в Балтийском регионе и Восточной Европе. Кроме того, важную роль будет играть готовность датской политической и экономической элиты подключаться к сдерживанию Китая или по крайней мере сворачивать или ограничивать контакты с ним.

Вместе с тем важным остается вопрос о том, находят ли описанные взгляды и тезисы датских политологов отражение в стратегических документах датской внешней политики и какое место категория статуса занимает в стратегической культуре Дании. В настоящей статье авторы предпринимают попытку ответить на этот исследовательский вопрос и используют концептуальные документы внешней политики Дании для определения того, как внимание к статусу и репутации характеризует ее стратегическую культуру.

Репутация и статус в стратегиях внешней политики и безопасности Дании

Изучение стратегической культуры, внешней и оборонной политики, вопросов национальной безопасности путем контент-анализа концептуальных документов, выступлений официальных лиц, статей в СМИ и парламентских дебатов является устоявшимся и широко распространено в научной среде. Качественные методы контент-анализа при этом пока остаются преобладающими, в то время как применение количественных инструментов носит эпизодический характер, хотя и набирает популярность. К примеру, количественный контент-анализ применялся для определения совпадений и отличий в оборонной политике стран — членов ЕС в 1994—2018 гг., несмотря на то, что ранее исследователи по большей части использовали для ответа на этот вопрос именно качественный контент-анализ, который не вполне подходил для обширных сравнительных исследований, включающих большее число стран, и обобщений, охватывающих длительные временные промежутки [27]. Количественный контент-анализ также применялся для анализа немецких общественно-политических дискуссий в СМИ относительно международных операций и миссий бундесвера. Авторы этого исследования также отмечают, что использование подобного

метода в изучении стратегической культуры пока остается нетипичным и новым, но способно существенно дополнить существующую литературу по стратегической культуре [28]. Более часто применяемый качественный контент-анализ стратегических документов и официальных заявлений, к примеру, был основным для определения функциональных приоритетов внешней политики России исходя из текста соответствующих концептуальных документов [29] и степени сплоченности ЕС и его стран-членов при реакции на международные кризисы [30].

В рамках настоящей статьи для анализа четырех стратегий внешней политики и безопасности Дании за 2017—2018 гг.¹, 2019—2020 гг.², 2022³ и 2023 гг.⁴ также применяется более традиционный и распространенный качественный контент-анализ. Это обусловлено как относительно небольшим объемом текстовой информации, так и рассмотрением стратегической культуры только одной страны без задачи сравнительного исследования. Дания только в 2017 г. представила полноценную стратегию внешней политики и безопасности, которая должна была стать руководством для «активистской» внешней политики, которую страна до этого проводила уже более 20 лет после окончания Холодной войны. До 2017 г. такими руководствами служили региональные и тематические стратегии, а также *ad hoc* обсуждения в комитетах фолькетинга [31]. Несмотря на то что эти стратегии рассчитаны на короткий промежуток времени и практика их подготовки началась недавно и не приобрела регулярный характер, они заслуживают внимания исследователей, так как представляют собой первые попытки систематизировать внешнеполитические приоритеты Дании во время роста глобальной неопределенности и оформить их в форме единого концептуального документа. Другая особенность состоит в том, что, к примеру, «суператлантизм» не является термином, который используется в официальной правительственной риторике, а представляет собой аналитическую концепцию [12]. Это предполагает, что в ходе контент-анализа авторы в большей степени обращали внимание на скрытый, задуманный, но прямо не выраженный смысл положений стратегий, то есть придерживались «латентного анализа» [32].

В датской исследовательской литературе часто используется представление о «компартиментализации» (*dat. kompartmentalisering*) внешней политики Дании, то есть условной привязке реализации ее основных интересов (экономических, интересов безопасности и идейных или ценностных) к четырем основным международным институтам: ЕС, НАТО, ООН и северному сотрудничеству [33]. Авторы, однако, считают целесообразным сконцентрироваться на категории «статуса, репутации в отношениях с США», учитывая как рассмотренный в предыдущем разделе «суператлантизм» Дании, так и то, что особые отношения США с отдельными европейскими странами можно рассматривать в качестве одного из ключевых и традиционных элементов структуры внешнеполитических приоритетов [34]. Важность подробного анализа этой категории обоснована и тем, что вопросы безопасности, заботу о статусе и репутации и природу стратегической культуры Дании можно по-

¹ Udenrigs- og sikkerhedspolitik strategier. 2017—2018. Udenrigsministeriet, 2017. URL: <https://udenrigspolitik.dk/wp-content/uploads/2017/08/Udenrigspolitik-og-sikkerhedspolitik-strategier-2017-2018-final-2.pdf> (дата обращения: 09.03.2023).

² Udenrigs- og sikkerhedspolitik strategier. 2019—2020. Udenrigsministeriet, 2018. URL: <https://um.dk/udenrigspolitik/aktuelle-emner/udenrigs-og-sikkerhedspolitik-strategier-2019-2020> (дата обращения: 09.03.2023).

³ Udenrigs- og sikkerhedspolitik strategier. 2022. Udenrigsministeriet, 2022. URL: <https://um.dk/udenrigspolitik/aktuelle-emner/udenrigs-og-sikkerhedspolitik-strategier-2022> (дата обращения: 09.03.2023).

⁴ Udenrigs- og sikkerhedspolitik strategier. 2023. Udenrigsministeriet, 2023. URL: <https://um.dk/udenrigspolitik/aktuelle-emner/udenrigs-og-sikkerhedspolitik-strategier-2023> (дата обращения: 09.03.2023).

нимать как единую модель объяснения военизированного датского активизма: США выполняют роль главного гаранта датской безопасности, что приводит к стремлению Дании добиваться и сохранять статус привилегированного, надежного и ответственного союзника. Это, в свою очередь, в еще большей степени привязывает Данию к США через формирование общих практик принятия военно-политических решений и планирования, закупок американского вооружения и отстаивания общих ценностей. Стремление занимать статус привилегированного союзника поддерживается активистской и прагматичной стратегической культурой, которая видит цель в продвижении традиционных для Северной Европы ценностей демократии и прав человека, учитывая нынешние потребности национальной безопасности и баланс сил в международных отношениях, то есть в условиях американского лидерства в трансатлантическом сообществе [35].

При оценке внимания к вопросам статуса и репутации в отношениях с США и конкретных мер по поддержанию этого статуса наиболее выделяется стратегия 2022 г. В ней также указано намерение Дании играть особую роль в трансформации ЕС и НАТО: «мы должны быть в сердце ЕС, который достигает конкретных результатов для граждан», «мы закрепим место Дании в ядре НАТО и будем работать над укреплением трансатлантических связей»¹. Вероятно, это намерение связано со сменой администрации в Белом доме и желанием Дании наверстать упущенные возможности за время пребывания Д. Трампа на посту президента. К примеру, в стратегии 2017—2018 гг. кратко упоминается, что решение США выйти из Парижского соглашения вызывает «крайнее сожаление»². Более открыто подобные опасения были выражены в стратегии 2019—2020 гг., где говорится: «США проводят политику “America First”, что ставит под сомнение их глобальное лидерство и готовность защищать тот миропорядок, который они сами же построили»³. Многие из конкретных мер по сохранению особого статуса датско-американских отношений направлены на убеждение США вернуться к поддержке международных институтов либерального миропорядка.

В вопросе оборонного сотрудничества в стратегии 2022 г. как «по-прежнему тесный партнер Дании» упоминается и Великобритания, а одной из целей внешней политики Дании называется обеспечение тесного сотрудничества Великобритании и ЕС по вопросам безопасности после Брексита. Отдельно в тексте стратегии отмечено оборонное сотрудничество с Францией, которое было закреплено в меморандуме о намерениях в июне 2014 г., где упоминалось франко-датское сотрудничество в борьбе с пиратством, совместные действия датских и французских вооруженных сил в Косово и Мали и важность обмена опытом между датскими и французскими ВМС. Примечательно, что при подписании меморандума министр обороны Н. Ваммен охарактеризовал Данию как «страну с ограниченными ресурсами, проводящую активную внешнюю политику», для которой важно вносить заметный вклад в операции, руководимые более крупными союзниками⁴.

¹ Udenrigs- og sikkerhedspolitik strategier. 2022. Udenrigsministeriet, 2022. URL: <https://um.dk/udenrigspolitik/aktuelle-emner/udenrigs-og-sikkerhedspolitik-strategi-2022> (дата обращения: 09.03.2023).

² Udenrigs- og sikkerhedspolitik strategier. 2017—2018. Udenrigsministeriet, 2017. URL: <https://udenrigspolitik.dk/wp-content/uploads/2017/08/Udenrigspolitik-og-sikkerhedspolitik-strategi-2017-2018-final-2.pdf> (дата обращения: 09.03.2023).

³ Udenrigs- og sikkerhedspolitik strategier. 2019—2020. Udenrigsministeriet, 2018. URL: <https://um.dk/udenrigspolitik/aktuelle-emner/udenrigs-og-sikkerhedspolitik-strategi-2019-2020> (дата обращения: 09.03.2023).

⁴ Frankrig og Danmark underskriver forsvarsaftale, *Forsvarsministeriet*, 2014. URL: <https://www.fmn.dk/da/nyheder/2014/2014/frankrig-og-danmark-underskriver-forsvarsaftale/> (дата обращения: 16.03.2023).

Упомянув роль США в глобальной климатической политике, датская стратегия 2022 г. довольно подробно расписывает сотрудничество Дании с рядом американских штатов в вопросах экологических технологий водоснабжения и сельского хозяйства. Отдельно оговаривается сотрудничество Дании с отдельными северо-восточными штатами США в области ветряной энергетики. Стратегия 2022 г. подчеркивает широкие экспортные возможности Дании на американском рынке и необходимость играть особую роль в реализации зеленого перехода в США, что представляется как «золотая жила» для датских компаний. Любопытно в этом отношении, что экспертные и научные статьи обычно фокусировались на политических преимуществах особых отношений Дании и США, уделяя меньше внимания экономическим выгодам. В стратегиях 2017—2018 гг. и 2019—2020 гг. этому аспекту датско-американского взаимодействия также уделено значительно меньше внимания.

В целом стратегия внешней политики Дании 2022 г. производит парадоксальное впечатление того, что страна стремится занять одновременно нишу «сверхатлантизма» и «сверхъевропеизма» (особенно учитывая поспешное решение социал-демократического правительства провести референдум по отмене датских исключений в сфере оборонной интеграции ЕС вскоре после начала специальной военной операции) [36]. ЕС назван «важнейшей внешнеполитической платформой», а тесные отношения с США обозначены как имеющие «решающее значение» для продвижения датских интересов и ценностей, но при этом важность взаимодействия с США подчеркивается в контексте многосторонних институтов и привлечения других партнеров: «Именно вместе с США, ЕС и нашими другими партнерами мы справимся с давлением на международные институты и с теми угрозами, которые обусловлены, среди прочего, более независимым и эгоистичным поведением Китая и гибридной войной и наращиванием вооружения, которые Россия проводит в Балтийском регионе и Восточной Европе»¹. Поддержка Данией американского лидерства, таким образом, тесно увязана с расширением многостороннего сотрудничества, где «уважаются общие правила игры, демократия и права человека». Кроме того, в стратегиях 2017—2018 гг., 2019—2020 гг. и 2022 г. также говорилось о центральном месте ЕС во внешней политике Дании: «Для Дании членство в ЕС — это наша лучшая возможность влиять на мир вокруг нас...»², «ЕС — основная платформа для реализации интересов Дании в Европе и во всем мире»³ и «...решающее значение имеет политическое лидерство США и ЕС, основанное на ценностях, и мы должны его поддерживать»⁴.

Учитывая ясно обозначенную в тексте стратегии 2022 г. «потребность в американском лидерстве», трудно не согласиться с экспертной оценкой того, что этот документ служит главным образом для подтверждения тесных отношений с США

¹ Udenrigs- og sikkerhedspolitik strategisk strategi. 2022. Udenrigsministeriet, 2022. URL: <https://um.dk/udenrigspolitik/aktuelle-emner/udenrigs-og-sikkerhedspolitik-strategi-2022> (дата обращения: 09.03.2023).

² Udenrigs- og sikkerhedspolitik strategisk strategi. 2017—2018. Udenrigsministeriet, 2017. URL: <https://udenrigspolitik.dk/wp-content/uploads/2017/08/Udenrigspolitik-og-sikkerhedspolitik-strategi-2017-2018-final-2.pdf> (дата обращения: 09.03.2023).

³ Udenrigs- og sikkerhedspolitik strategisk strategi. 2019—2020. Udenrigsministeriet, 2018. URL: <https://um.dk/udenrigspolitik/aktuelle-emner/udenrigs-og-sikkerhedspolitik-strategi-2019-2020> (дата обращения: 09.03.2023).

⁴ Udenrigs- og sikkerhedspolitik strategisk strategi. 2022. Udenrigsministeriet, 2022. URL: <https://um.dk/udenrigspolitik/aktuelle-emner/udenrigs-og-sikkerhedspolitik-strategi-2022> (дата обращения: 09.03.2023).

и верности Дании альянсу НАТО¹. В то же время текст 2022 г. скорее является политическим манифестом, чем стратегией, и, вероятно, в большей степени был рассчитан на внутриполитическую аудиторию, так как в ней много обращений к «долгу», «обязанностям», желанию стать «доверенным лицом» всего мира в Совете безопасности ООН, но не хватает постановки конкретных задач и решений, что, к примеру, было представлено в докладе карьерного датского дипломата П. Т. Енсена о трансформации внешней политики Дании в эпоху перемен, представленного 1 мая 2016 г.² Наиболее конкретизированные положения стратегий при этом касаются экономической дипломатии и, в частности, вопросов расширения датского экспорта в США и ЕС, что опять же может говорить о внутриполитической ориентированности стратегии, в том числе на представителей датских деловых кругов.

Стратегия 2023 г., опубликованная в мае 2023 г., в которой принципом датской внешней политики провозглашается «прагматический идеализм», была подготовлена новым коалиционным правительством социал-демократов (либеральной партией «Венстре» и центристской партией «Умеренные»³) и, по мысли авторов, должна была стать разрывом с «ценностным идеализмом» предыдущего социал-демократического правительства и учесть произошедшие кардинальные изменения европейской безопасности. Примечательно, что новый министр иностранных дел Л. Л. Расмуссен при презентации текста новой стратегии особо упомянул африканские страны, сказав, что «две трети мирового населения проживают в странах, которые относятся нейтрально или поддерживают российские действия в отношении Украины». По мысли Л. Л. Расмуссена, Дания больше не может позволить себе быть столь же привередливой, как раньше, с теми, с кем она сотрудничает⁴. Вероятно, речь идет о намерении добиваться большей поддержки евроатлантической позиции в рамках ООН со стороны стран Глобального Юга. Предварительными примерами подобного «прагматического идеализма» нового датского правительства, вероятно, можно считать отмену эмбарго на поставки вооружений в Саудовскую Аравию и ОАЭ в марте 2023 г. и визиты премьер-министра М. Фредериксен в марте 2023 г. в Хорватию, Албанию и Египет, где обсуждались вопросы нелегальной иммиграции и потенциальная датская помощь в зеленом переходе египетской экономики. М. Фредериксен, в частности, заявляла о необходимости «поиска общих решений и укрепления партнерства, в том числе с Глобальным Югом»⁵. Вместе с тем стратегия 2023 г. продолжает и существенно дополняет ранее намеченный в

¹ Stockmarr, L. 2023, Leila Stockmarr (EL): Regeringens udenrigspolitiske strategi fremstår i høj grad blot som en brandingøvelse og en genbekræftelse af Danmarks tætte relation til USA og NATO, *Ræson*, URL: <https://www.raeson.dk/2022/leila-stockmarr-el-regeringens-udenrigspolitiske-strategi-fremstaar-i-hoej-grad-blot-som-en-brandingoevelse-og-en-genbekraeftelse-af-danmarks-taette-relation-til-usa-og-nato/> (дата обращения: 13.03.2023).

² Barnekow, C. 2022, Der gik ikke en måned, før den udenrigs- og sikkerhedspolitiske strategi blev overhalet af virkeligheden, *Altinget*, URL: <https://www.altinget.dk/forsvar/artikel/der-gik-ikke-en-maaned-foer-den-udenrigs-og-sikkerhedspolitiske-strategi-blev-overhalet-af-virkeligheden> (дата обращения: 13.03.2023).

³ Это правительство стало первым с 1978 г., в которое вошли ведущие партии двух противоположных блоков «красного» и «синего». См.: Hansen, M.V. 2022, Danmark har fået en ny regering, *Danmarks Radio*, URL: <https://www.dr.dk/ligetil/danmark-har-faaet-en-ny-regering> (дата обращения: 01.05.2023).

⁴ Eller, E. 2023, Danmark skifter kurs: Mindre høj hest — mere pragmatisme, *Danmarks Radio*, URL: <https://www.dr.dk/nyheder/politik/danmark-skifter-kurs-mindre-hoej-hest-mere-pragmatisme> (дата обращения: 01.05.2023).

⁵ Migration er på dagsordenen når Mette F. rejser til Egypten, 2023, *Nordjyske*, URL: <https://nordjyske.dk/nyheder/politik/migration-er-paa-dagsordenen-naar-mette-f-rejser-til-egypten/4160693> (дата обращения: 01.05.2023).

стратегии 2022 г. европейский вектор внешней политики Дании, который был существенно углублен после 24 февраля 2022 г., отражая ее намерение занять нишу образного «сверхевропеизма» в условиях кризиса европейской безопасности. Так прежний датский скептицизм в отношении расширения ЕС в стратегии 2023 г. сменила задача подготовить новых потенциальных членов к вступлению в объединение «Перспектива — это ЕС с более чем 30 членами»¹. Помимо обозначения помощи Украине, Молдове и Грузии встать «на европейский путь» как «определяющей внешнеполитической задачи для нашего поколения», что вызывает ассоциации с той поддержкой, которую Данию оказывала трем странам Балтии по интеграции в ЕС и НАТО на рубеже 1990—2000-х гг., Л. Л. Расмуссен также с энтузиазмом воспринял предложение Германии о создании неформального клуба стран, которые хотят воплотить идею расширения принципа голосования большинством в сфере ОВПБ/ОПБО ЕС, особенно относительно принятия ограничительных мер². Первая встреча этой группы, к которой Дания и Швеция присоединились в качестве наблюдателей (Финляндия же как полноценный член), состоялась в Брюсселе 22 мая 2023 г., но как в датском правительстве, так и в парламенте единства по этому вопросу нет. Л. Л. Расмуссен же предпочитает выражаться дипломатично, говоря о «повышении эффективности внешней политики ЕС»³. Вероятно, этот вопрос станет предметом для серьезных дискуссий о новом межпартийном соглашении, в котором будут представлены одобренные позиции Дании в отношении различных аспектов европейской интеграции и которое должно прийти на смену аналогичному соглашению 2008 г. и по плану будет обсуждаться осенью 2023 г. после летних каникул Фолькетинга.

Проведенный анализ показывает, что датский «суператлантизм» тесно связан с восприятием США в качестве гаранта либерального миропорядка, который бы при этом способствовал повышению роли ЕС в глобальном управлении и мировой политике. Отношение Дании к стратегической автономии ЕС при этом остается неоднозначным, сама концепция впервые названа напрямую в стратегии 2023 г., где говорится о необходимости повышения устойчивости ЕС перед лицом кризисов через построение «открытой стратегической автономии»⁴. В стратегии 2022 г. же говорилось лишь о поддержке Данией разработки «Стратегического компаса» и создании более самостоятельного ЕС, который смог бы взять на себя более высокую степень ответственность за безопасность и стабильность в соседних регионах. Больше внимание уделено регуляторной, нормативной мощи ЕС, его весу в глобальной торговле и климатической политике и необходимости обеспечения устойчивости цепочек поставок. Вопросы же создания независимого оборонного потенциала ЕС при этом затрагиваются в контексте интересов датских компаний: «Дания должна быть вовлечена в построение европейской оборонной промыш-

¹ Udenrigs- og sikkerhedspolitisk strategi. 2023. Udenrigsministeriet, 2023. URL: <https://um.dk/udenrigspolitik/aktuelle-emner/udenrigs-og-sikkerhedspolitisk-strategi-2023> (дата обращения: 09.03.2023).

² Kongstad, J. 2023, Putins invasionskrig fremtvinger et sprængfarligt dansk opgør med tabuer i europapolitikken, *Jyllands-Posten*, URL: <https://jyllands-posten.dk/international/ECE15818848/putins-invasionskrig-fremtvinger-et-spraengfarligt-dansk-opgoer-med-tabuer-i-europapolitikken/> (дата обращения: 01.05.2023).

³ Albrechtsen, R., Lauritzen, T. 2023, Løkke vil drøfte EU-veto, men de fleste partier tøver: «Det korte svar er nej». *Altinget*, URL: <https://www.altinget.dk/artikel/loekke-vil-droefte-dansk-holdning-til-eu-veto-men-de-fleste-partier-toever-det-korte-svar-er-nej> (дата обращения: 01.05.2023).

⁴ Udenrigs- og sikkerhedspolitisk strategi. 2023. Udenrigsministeriet, 2023. URL: <https://um.dk/udenrigspolitik/aktuelle-emner/udenrigs-og-sikkerhedspolitisk-strategi-2023> (дата обращения: 09.03.2023).

ленности и должна расширять участие наших предприятий в международном сотрудничестве, что будет способствовать нашей безопасности, благосостоянию и благоденствию»¹.

Заключение. Категории репутации, значимости и статуса в исследованиях стратегической культуры

Анализ стратегий внешней политики Дании показывает, что она стремится быть не рядовым членом НАТО, а принадлежать привилегированному кругу союзников США, обладающих особым голосом в принятии и продвижении решений этой структуры, даже несмотря на ограниченный оборонный и экономический потенциал. Говоря о долгосрочности и совместимости выделенных тенденций «суператлантизма» и «суперевропеизма/сверхевропеизма», следует отметить, что Дания не рассматривает их как взаимоисключающие. К примеру, в стратегии 2022 г. ЕС упоминается больше 150 раз, но США по-прежнему рассматривается как важнейший союзник Дании². Это, может быть, связано с тем, что ЕС воспринимается как более широкая платформа для продвижения датских интересов в сфере регулирования миграции, климатических норм, прав человека и демократии, торговой политики и т. д., в то время как особые союзнические отношения с США, как правило, упоминаются в военно-политическом контексте. В стратегии 2023 г., в частности, вновь повторяется тезис об исключительной военно-политической роли американской мощи: «США продолжают быть важнейшим союзником Дании в области безопасности, и мы должны по-прежнему укреплять трансатлантические связи. Дания должна вместе с США и другими партнерами стоять на страже основополагающих принципов международного порядка, основанного на правилах»³. С другой стороны, заявка одновременно на особую роль в отношениях как с США, так и с ЕС может свидетельствовать о намерении Дании внести исключительный вклад в такое реформирование трансатлантических отношений, которое бы сохранило вовлеченность США в европейскую безопасность. Риски американского изоляционизма и снижение приоритетности европейского направления внешней политики США, вероятно, представляются для Дании весьма существенными, даже несмотря на заявления об особой ответственности за безопасность в Балтийском регионе и о том, что ЕС должен брать на себя больший спектр задач оборонной политики и наращивать потенциал в этой области. В этой связи на примере недавних событий можно также отметить преемственность с тактикой примыкания Дании 1990-хх гг. и начала 2000-х гг.: Дания выразила сдержанную критику в отношении выхода США из Афганистана в августе 2021 г., и премьер-министр страны Метте Фредериксен заявила, что она «не понимает французскую критику» в отношении разрыва контракта между Австралией и Францией о поставке электродизельных подводных лодок в

¹ Udenrigs- og sikkerhedspolitik strategii. 2023. Udenrigsministeriet, 2023. URL: <https://um.dk/udenrigspolitik/aktuelle-emner/udenrigs-og-sikkerhedspolitik-strategi-2023> (дата обращения: 09.03.2023).

² Albrechtsen, R. 2022, Ny dansk udenrigsstrategi nævner EU over 150 gange, men USA er stadig regeringens vigtigste allierede, *Altinget*, URL: <https://www.alinget.dk/forsvar/artikel/ny-dansk-udenrigsstrategi-naevner-eu-over-150-gange-men-usa-er-stadig-regeringens-vigtigste-allierede> (дата обращения: 01.05.2023).

³ Udenrigs- og sikkerhedspolitik strategii. 2023. Udenrigsministeriet, 2023. URL: <https://um.dk/udenrigspolitik/aktuelle-emner/udenrigs-og-sikkerhedspolitik-strategi-2023> (дата обращения: 09.03.2023).

связи с созданием альянса AUKUS и считает, что «трения, которые всегда будут существовать между союзниками, не стоит превращать в то, чем они не являются», намекая, вероятно, на излишне эмоциональную реакцию Франции¹.

Изучение престижа, репутации, значимости, дружбы, влияния и других схожих явлений, условно объединяемых под общей категорией «статус», в стратегической культуре могло бы обогатить исследования феноменов «особых отношений», сообществ безопасности, стратегических партнерств и стратегий союзничества, так как, к примеру, построение сообществ безопасности требует формирования общих ценностных оснований и ощущения взаимной сопричастности, а в рамках даже формализованных альянсов большую роль играет динамика коммуникации и распределения обязанностей между союзниками уже после оформления официальных договоренностей [37]. Так, Дания стремилась использовать активное участие в коалиционных операциях под руководством США и операциях НАТО без каких-либо ограничений или возражений в качестве своего рода «отговорки» от повышения оборонных расходов, считая вклад в проведение операций, направленных на продвижение интересов США, в том числе жертвы среди военнослужащих, более весомым, чем соответствие требованиям о доле оборонных расходов в 2 % от ВВП². Но в этом случае также встает вопрос о том, насколько значение категории статуса зависит от структурных характеристик альянса, в частности от числа участников и распределения потенциалов, ведь, к примеру, Дания, будучи младшим партнером в рамках НАТО, все же постепенно принимает новые правила игры, осознавая, что неотъемлемой характеристикой «хорошего, образцового союзника» становится и необходимый объем оборонного бюджета. Кроме того, ожидания США от своих союзников и, соответственно, их репутация напрямую зависят от их военных возможностей и потенциала, что также подчеркивает важность изучения связи между категорией статуса и структурными факторами того или иного альянса.

Все это, однако, не отменяет поиск Копенгагеном новых способов зарабатывания очков в глазах Вашингтона, в том числе принятия мер по совершенствованию системы идентификации и распознавания целей (*англ.* domain awareness) на датских арктических и атлантических территориях в районе Гренландии и Фарерских островов, о чем свидетельствует принятие Данией в феврале 2021 г. особого арктического оборонного соглашения в размере 1,5 млрд крон (220 млн долл.), предусматривающего строительство РЛС на Фарерских островах и закупку дронов для Гренландии, что было ответом на озабоченность США тем, что в условиях недостаточного мониторинга российские подлодки и самолеты могут находиться в воздушном и морском пространстве этих автономных единиц незамеченными³. В июне 2022 г. посольство США в Дании сообщало, что в настоящий момент помимо обсуждения модернизации базы Туле американская, датская и гренландская стороны ведут диалог о возможности установки новых радаров на гренландском побережье в качестве исполнения заявления о намерениях касательно инвестиций в оборону Гренландии, сделанного Министерством обороны США в сентябре 2018 г.⁴. Вероятно, что Арктика для

¹ Denmark Sides With U. S. Against French Criticism of Defense Deal, *PBS*, 2021. URL: <https://www.pbs.org/newshour/world/denmark-sides-with-u-s-against-french-criticism-of-defense-deal> (дата обращения: 16.03.2023).

² Schaub, G. Jr., Jakobson, A. K. 2018, Denmark In NATO: Paying For Protection, Bleeding For Prestige, *War On The Rocks*, URL: <https://warontherocks.com/2018/07/denmark-in-nato-paying-for-protection-bleeding-for-prestige/> (дата обращения: 07.03.2023).

³ Nielsen, A. B., 2023, Det grønlandske trumfkort, *DIIS*, URL: <https://www.diis.dk/node/24842> (дата обращения: 07.03.2023).

⁴ Sørensen, H. N., 2023, Danmark og USA: Flere amerikanske radarer kan være på vej i Grønland, *KNR*, URL: <https://knr.gl/da/nyheder/danmark-og-usa-flere-amerikanske-radarer-kan-ve-3%A6re-p-3%A5-vej-i-gr-3%B8nland> (дата обращения: 07.03.2023).

Дании будет все больше становиться пространством, где можно повысить статус в рамках НАТО и в отношениях с США, но это потребует большего количества финансовых и материальных расходов по сравнению с датским участием в операциях в Косово, Ираке, Афганистане, Ливии и Сирии. А в условиях, когда члены НАТО декларируют необходимость осуществлять сдерживание России еще и на балтийском направлении, для Дании оборонные инвестиции в Арктику и, как следствие, в репутацию «образцового союзника» будут дорогостоящими и в буквальном, и в политическом смысле. Таким образом, роль гренландского фактора для датской репутации может возрасти в плане как ценности Арктики для Вашингтона, так и стремления автономного правительства Гренландии иметь собственный дипломатический голос и самостоятельно проводить переговоры с США, чего они последовательно добиваются в течение последних десятилетий. В настоящий момент Гренландия готовится опубликовать собственную внешнеполитическую стратегию, до принятия которой невозможна разработка арктической стратегии Королевства Дания, а в мае 2022 г. добилась письменных гарантий от датского правительства о том, что гренландские интересы будут учитываться при разработке нового оборонного соглашения Дании, которое планируется представить летом 2023 г.

Подводя итог, можно сказать, что обозначенный на основе датского опыта исследовательский подход можно расширить и продолжить сравнительным анализом понимания и восприятия категорий статуса и репутации, стратегической культуры и стратегий союзничества других малых стран — членов ЕС и НАТО, а также незападных стран для выхода на более высокий уровень обобщения относительно соображений статуса, престижа и репутации в стратегической культуре и более широкого осмысления концепции «особых отношений» за пределами американско-британского образца [38]. Другой актуальной темой также может выступить сравнение категории статуса и способов его повышения или сохранения у стран, занимающих разное положение в международной системе, — великих держав, держав среднего уровня, региональных держав, растущих держав и малых стран.

Исследование выполнено при финансовой поддержке проекта № 20-78-10159 «Феномен стратегической культуры в мировой политике: специфика влияния на политику безопасности (на примере государств Скандинавско-Балтийского региона)».

Список литературы

1. Bartmann, B. 2012, From The Wings To The Footlights: The International Relations of Europe's Smallest States, *Commonwealth and Comparative Politics*, 2012, vol. 50, № 4, p. 535 — 554, <https://doi.org/10.1080/14662043.2012.729734>.
2. Røren, P. 2019, Status Seeking In the Friendly Nordic Neighborhood, *Cooperation and Conflict: Journal of the Nordic International Studies Association*, vol. 54, № 4, p. 562—579, <https://doi.org/10.1177/0010836719828410>.
3. De Carvalho, B., Neumann, I.B. 2015, 'Introduction: Small States And Status' in De Carvalho, B., Neumann, I.B. (eds.), *Small States And Status Seeking: Norway's Quest For International Standing*, London, Routledge, p. 1 — 21, <https://doi.org/10.4324/9781315758817>.
4. Кавешников, Н. Ю. 2008, «Малые и вредные?» *Международные процессы*, т. 6, № 3, с. 84—92. EDN: OHZUET.
5. Лошкарев, И. Д., Пареньков, Д. А., 2022, Неэкспансионистские типы стратегической культуры Польши: идейная ретроспектива и современные последствия, *Балтийский регион*, т. 14, № 2, с. 69—82, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-2-5>.
6. Алексеева, Т. А. 2012, Стратегическая культура: эволюция концепции, *Полис*, № 5, с. 130—145. EDN: PBMERF.

7. Белухин, Н. Е. 2021, «Бунтующий парламент»: период «политики оговорок» в отношениях Дании и НАТО (1982—1988), *Genesis: исторические исследования*, №4, с. 47—57, <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2021.4.35530>.
8. Kristensen, K. S., Larsen, K. K. 2017, 'Denmark's fight against irrelevance, or the alliance politics of «punching above one's weight»' in Wesley, M. (ed.), *Comparing US Alliances in the 21st century*, Australian National University Press, p. 59—76, <http://doi.org/10.22459/GA.06.2017>.
9. Ringsmose, J. 2007, *Danmarks NATO-omdømme — fra Prügelknabe til duks*, København, Dansk Institut for Militære Studier, 48 p.
10. Christensen, S. A. 2001, 'The Danish Experience. Denmark in NATO 1949—1999' in Reiter, E., Gärtner, H. (eds.), *Small States and Alliances*, Berlin, Springer Verlag, p. 89—100, https://doi.org/10.1007/978-3-662-13000-1_9.
11. Wivel, A., Crandall, M. 2019, Punching above their weight, but why? explaining Denmark and Estonia in the transatlantic relationship, *Journal of Transatlantic Studies*, vol. 17, №3, p. 392—419, <https://doi.org/10.1057/s42738-019-00020-2>.
12. Mouritzen, H. 2006, The Nordic–Baltic Area: divisive geopolitics at work, *Cambridge Review of International Affairs*, vol. 19, №3, p. 495—511, <https://doi.org/10.1080/09557570600869556>.
13. Wivel, A. 2008, Balancing against threats or bandwagoning with power? Europe and the transatlantic relationship after the Cold War, *Cambridge Review of International Affairs*, vol. 21, №3, p. 289—305, <https://doi.org/10.1080/09557570802253419>.
14. Jakobsen, P. V., Ringsmose, J. 2015, Size and reputation — why the USA has valued its «special relationships» with Denmark and the UK differently since 9/11, *Journal of Transatlantic Studies*, vol. 13, №2, p. 135—153, <https://doi.org/10.1080/14794012.2015.1022370>.
15. Jakobsen, P. V., Ringsmose, J., Saxi, H. L. 2018, Prestige-Seeking Small States: Danish and Norwegian Military Contributions To US-Led Operations, *European Journal of International Security*, vol. 3, №2, p. 256—277, <https://doi.org/10.1017/eis.2017.20>.
16. Mouritzen, H. 2007, Denmark's Super-Atlanticism, *Journal of Transatlantic Studies*, vol. 5, №2, p. 155—167, <https://doi.org/10.1080/14794019908656861>.
17. Rasmussen, M. V. 2005, «What's the use of it?»: Danish strategic culture and the utility of armed force, *Cooperation and Conflict: Journal of the Nordic International Studies Association*, vol. 40, №1, p. 67—89, <https://doi.org/10.1177/0010836705049735>.
18. Jakobsen, P. V. 2015, Danmarks militære aktivisme fortsætter med eller uden USA, *Politik*, vol. 18, №4, s. 5—14, <https://doi.org/10.7146/politik.v18i4.27623>.
19. Henriksen, A., Ringsmose, J. 2011, *Hvad fik Danmark ud af det? Irak, Afghanistan og forholdet til Washington*, DIIS Rapport.
20. Бабынина, Л. О. 2020, Дания и европейская оборона: новые вызовы, *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*, №6 (18), с. 39—44, <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran620203944>.
21. Flockhart, T. 2008, Danmark, forsvarsforbeholdet og danske kerneværdier — foregangsland eller forbeholdsland? *Økonomi & politik*, vol. 81, №3, p. 44—53.
22. Marcussen, M. 2013, EU-forbeholdene og det danske mulighedsrum i verden. *Politica*, vol. 45, №4, p. 400—418, <https://doi.org/10.7146/politica.v45i4.70005>.
23. Wivel, A. 2014, 'Still Living in the Shadow of 1864? Danish Foreign Policy Doctrines and the Origins of Denmark's Pragmatic Activism' in Mouritzen, H., Hvidt, N. (eds.), *Danish Foreign Policy Yearbook 2014*, København, DIIS, Danish Institute for International Studies, p. 109—139.
24. Doeser, F. 2013, Leader-driven foreign-policy change: Denmark and the Persian Gulf War, *International Political Science Review*, vol. 34, №5, p. 582—597, <https://doi.org/10.1177/0192512112473027>.
25. Pedersen, R. 2017, Was something rotten in the state of Denmark? Three narratives of the active internationalism in Danish foreign policy, *Cooperation and Conflict: Journal of the Nordic International Studies Association*, vol. 53, №4, p. 1—18, <https://doi.org/10.1177/0010836717738554>.
26. Farbø, R. 2010, Irakkriegen og den historiske legitimering, *Slagmark — Tidsskrift for idéhistorie*, №6, p. 68—80, <https://doi.org/10.7146/sl.v0i60.103989>.
27. Gavras, K., Mader, M., Schoen, H. 2022, Convergence of European Security And Defense Preferences? A Quantitative Text Analysis of Strategy Papers, 1994—2018, *European Union Politics*, vol. 23, №4, p. 662—679, <https://doi.org/10.1177/14651165221103026>.
28. Göler, D., Reiter, F. 2021, The Bundeswehr in German Newspaper Coverage — Using Text Mining for Analysing Strategic Culture, *German Politics*, p. 209—227, <https://doi.org/10.1080/09644008.2021.1937602>.

29. Истомин, И. А. 2018, Сравнительный анализ приоритетов российской внешней политики и научно образовательного сообщества специалистов по международным отношениям. Вестник-РУД Н. Сер.: Международные отношения, № 1, с. 162—185, <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2018-18-1-162-185>.

30. Beauregard, P. 2016, Taking flight or crashing down? European common Foreign Policy and International Crises, *Journal of European Integration*, vol. 38, № 4, p. 375—392, <https://doi.org/10.1080/07036337.2015.1116527>.

31. Larsen, J. 2020, A small state addressing big problems. perspectives on recent Danish foreign and security strategy, *DIIS Report*, 44 p.

32. Bengtsson, M. 2016, How to plan and perform a qualitative study using content analysis, *Nursing Plus Open*, vol. 2, p. 8—14, <https://doi.org/10.1016/j.npls.2016.01.001>.

33. Pedersen, R. B., Ringsmose, J. 2017, Aktivisme i dansk udenrigspolitik: Norden, FN, NATO og EU, *Politica*, vol. 49, № 4, p. 339—357, <https://doi.org/10.7146/politica.v49i4.131229>.

34. Smith, M. 2011, European Responses to US Diplomacy: «Special relationships», transatlantic governance and world order, *The Hague Journal of Diplomacy*, vol. 6, № 3—4, p. 299—317, <https://doi.org/10.1163/187119111X585534>.

35. Wivel, A. 2020, Evig aktivisme i uendelig krig: sikkerhed, status og strategisk kultur i dansk udenrigspolitik, *Internasjonal Politikk*, vol. 78, № 3, p. 411—420, <https://doi.org/10.23865/intpol.v78.2536>.

36. Бабынина, Л. О. 2022, Референдум об отмене исключений в сфере обороны ЕС в Дании, *Аналитические записки ИЕ РАН*, № 19, с. 73—79, <http://doi.org/10.15211/analytcs21920227379>.

37. Истомин, И. А., Силаев, Н. Ю., Сущенцов, А. А. 2021, *Стратегии союзничества в современном мире. Военно-дипломатический инструментарий международно-политической конкуренции*, Москва, изд-во «МГИМО-университет», 371 с. EDN: ROCCJY.

38. Haugevik, K. 2018, *Special Relationships in World Politics. Inter-state Friendship and Diplomacy After the Second World War*, Routledge.

Об авторах

Никита Евгеньевич Белухин, МГИМО МИД России, Россия; аспирант, младший научный сотрудник, отдел европейских политических исследований, ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, Россия.

E-mail: belukhin@imemo.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7505-2356>

Владислав Владиславович Воротников, кандидат исторических наук, директор Центра европейских исследований, МГИМО МИД России, Россия; ведущий научный сотрудник, отдел исследований Центральной и Восточной Европы, Институт Европы РАН, Россия.

E-mail: v.vorotnikov@my.mgimo.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3374-5677>

Светлана Юрьевна Дианина, кандидат философских наук, старший преподаватель, кафедра языков стран Северной Европы и Балтии, МГИМО МИД России, Россия.

E-mail: s.dianina@my.mgimo.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8407-7640>

REPUTATION AND STATUS IN DENMARK'S STRATEGIC CULTURE

N. E. Belukhin^{1, 2}

V. V. Vorotnikov^{1, 3}

S. Y. Dianina¹

¹ MGIMO-University,
76 Vernadsky Ave., Moscow, 119454, Russia

² Primakov National Research Institute of World Economy and
International Relations Russian Academy of Sciences,
23 Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russia

³ Institute of Europe Russian Academy of Sciences,
11/3 Mokhovaya Str., Moscow, 125009, Russia

Received 20 March 2023

Accepted 05 May 2023

doi: 10.5922/2079-8555-2023-3-1

© Belukhin, N. E., Vorotnikov, V. V.,
Dianina, S. Y., 2023

The primary objective of the article is to evaluate the significance of status and allied reputation within Denmark's strategic culture. Amongst Danish international relations scholars, there is a well-established notion that one of the key motivations for the use of military force in Danish foreign policy was the aspiration to cultivate special relations with the United States and achieve the status of a privileged ally. This status would confirm guarantees for Denmark's national security, provide the country with an opportunity for distinctive influence in decision-making and agenda-setting in NATO, the EU, and transatlantic cooperation. A qualitative content analysis of the 2017–2018, 2019–2020 and 2022 Danish foreign policy strategies was carried out to determine the effect of such expert perceptions on the texts of the guiding foreign policy documents. The analysis highlighted and confirmed the 'super Atlanticism' tendencies in Denmark's contemporary strategic culture, revealing its close ties with the Danish perception of the US as the safeguard for the liberal world order and associated multilateral institutions. Denmark's value-driven militarised foreign political activism in the post-Cold War era is thus not only pragmatic but also ideological as it seeks to promote liberal values, democracy and human rights under American leadership. The article concludes that factoring in status and reputation in strategic culture studies may complement the explanations of security community formation, alliance strategies and the dynamics behind relations within different types of alliances.

Keywords:

Denmark, strategic culture, USA, NATO, EU, reputation, special relations, alliance, Northern Europe, Arctic

References

1. Bartmann, B. 2012, From The Wings To The Footlights: The International Relations of Europe's Smallest States, *Commonwealth and Comparative Politics*, 2012, vol. 50, № 4, p. 535–554, <https://doi.org/10.1080/14662043.2012.729734>.
2. Røren, P. 2019, Status Seeking In the Friendly Nordic Neighborhood, *Cooperation and Conflict: Journal of the Nordic International Studies Association*, vol. 54, № 4, p. 562–579, <https://doi.org/10.1177/0010836719828410>.
3. De Carvalho, B., Neumann, I.B. 2015, 'Introduction: Small States And Status' in De Carvalho, B., Neumann, I. B. (eds.), *Small States And Status Seeking: Norway's Quest For International Standing*, London, Routledge, p. 1–21, <https://doi.org/10.4324/9781315758817>.
4. Kaveshnikov, N. Y. 2008, Small, yet annoying!? *International Trends*, 2008, vol. 6, № 3, p. 84–92. EDN: OHZUET (in Russ.).

To cite this article: Belukhin, N. E., Vorotnikov, V. V., Dianina, S. Y. 2023, Reputation and status in Denmark's strategic culture, *Baltic Region*, vol. 15, № 3, p. 4–28. doi: 10.5922/2079-8555-2023-3-1.

5. Loshkariov, I.D., Parenkov, D.A. 2022, Non-expansionist variants of Poland's strategic culture: a retrospective of ideas and current implications, *Baltic Region*, vol. 14, № 2, p. 69—82, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-2-5>.
6. Alekseeva, T.A. 2012, Strategic culture: the Evolution of the Concept, *Polis. Political Studies*, № 5, p. 130—145. EDN: PBMERF (in Russ.).
7. Belukhin, N.E. 2021, "Rebellious parliament": period of the «policy of reservations» in Denmark-NATO relations (1982—1988), *Genesis: Historical research*, № 4, p. 47—57, <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2021.4.35530> (in Russ.).
8. Kristensen, K.S., Larsen, K.K. 2017, 'Denmark's fight against irrelevance, or the alliance politics of «punching above one's weight»' in Wesley, M. (ed.), *Comparing US Alliances in the 21st century*, Australian National University Press, p. 59—76, <http://doi.org/10.22459/GA.06.2017>.
9. Ringsmose, J. 2007, *Danmarks NATO-omdømme — fra Prügelknabe til duks*, København, Dansk Institut for Militære Studier, 48 p.
10. Christensen, S.A. 2001, 'The Danish Experience. Denmark in NATO 1949—1999' in Reiter, E., Gärtner, H. (eds.), *Small States and Alliances*, Berlin, Springer Verlag, p. 89—100, https://doi.org/10.1007/978-3-662-13000-1_9.
11. Wivel, A., Crandall, M. 2019, Punching above their weight, but why? explaining Denmark and Estonia in the transatlantic relationship, *Journal of Transatlantic Studies*, vol. 17, № 3, p. 392—419, <https://doi.org/10.1057/s42738-019-00020-2>.
12. Mouritzen, H. 2006, The Nordic-Baltic Area: divisive geopolitics at work, *Cambridge Review of International Affairs*, vol. 19, № 3, p. 495—511, <https://doi.org/10.1080/09557570600869556>.
13. Wivel, A. 2008, Balancing against threats or bandwagoning with power? Europe and the transatlantic relationship after the Cold War, *Cambridge Review of International Affairs*, vol. 21, № 3, p. 289—305, <https://doi.org/10.1080/09557570802253419>.
14. Jakobsen, P.V., Ringsmose, J. 2015, Size and reputation — why the USA has valued its «special relationships» with Denmark and the UK differently since 9/11, *Journal of Transatlantic Studies*, vol. 13, № 2, p. 135—153, <https://doi.org/10.1080/14794012.2015.1022370>.
15. Jakobsen, P.V., Ringsmose, J., Saxi, H.L. 2018, Prestige-Seeking Small States: Danish and Norwegian Military Contributions To US-Led Operations, *European Journal of International Security*, vol. 3, № 2, p. 256—277, <https://doi.org/10.1017/eis.2017.20>.
16. Mouritzen, H. 2007, Denmark's Super-Atlanticism, *Journal of Transatlantic Studies*, vol. 5, № 2, p. 155—167, <https://doi.org/10.1080/14794019908656861>.
17. Rasmussen, M.V. 2005, «What's the use of it?»: Danish strategic culture and the utility of armed force, *Cooperation and Conflict: Journal of the Nordic International Studies Association*, vol. 40, № 1, p. 67—89, <https://doi.org/10.1177/0010836705049735>.
18. Jakobsen, P.V. 2015, Danmarks militære aktivisme fortsætter med eller uden USA, *Politik*, vol. 18, № 4, s. 5—14, <https://doi.org/10.7146/politik.v18i4.27623>.
19. Henriksen, A., Ringsmose, J. 2011, *Hvad fik Danmark ud af det? Irak, Afghanistan og forholdet til Washington*, DIIS Rapport.
20. Babynina, L.O. 2020, Danish opt-out in the European Defense: New Challenges, *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*, № 6 (18), p. 39—44, <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran620203944>.
21. Flockhart, T. 2008, Danmark, forsvarsforbeholdet og danske kerneværdier — foregangsland eller forbeholdsland? *Økonomi & politik*, vol. 81, № 3, p. 44—53.
22. Marcussen, M. 2013, EU-forbeholdene og det danske mulighedsrum i verden. *Politica*, vol. 45, № 4, p. 400—418, <https://doi.org/10.7146/politica.v45i4.70005>.
23. Wivel, A. 2014, 'Still Living in the Shadow of 1864? Danish Foreign Policy Doctrines and the Origins of Denmark's Pragmatic Activism' in Mouritzen, H., Hvidt, N. (eds.), *Danish Foreign Policy Yearbook 2014*, København, DIIS, Danish Institute for International Studies, p. 109—139.
24. Doeser, F. 2013, Leader-driven foreign-policy change: Denmark and the Persian Gulf War, *International Political Science Review*, vol. 34, № 5, p. 582—597, <https://doi.org/10.1177/0192512112473027>.

25. Pedersen, R. 2017, Was something rotten in the state of Denmark? Three narratives of the active internationalism in Danish foreign policy, *Cooperation and Conflict: Journal of the Nordic International Studies Association*, vol. 53, № 4, p. 1–18, <https://doi.org/10.1177/0010836717738554>.

26. Farbø, R. 2010, Irakkrigen og den historiske legitimering, *Slagmark — Tidsskrift for idéhistorie*, № 6, p. 68–80, <https://doi.org/10.7146/sl.v0i60.103989>.

27. Gavras, K., Mader, M., Schoen, H. 2022, Convergence of European Security And Defense Preferences? A Quantitative Text Analysis of Strategy Papers, 1994–2018, *European Union Politics*, vol. 23, № 4, p. 662–679, <https://doi.org/10.1177/14651165221103026>.

28. Göler, D., Reiter, F. 2021, The Bundeswehr in German Newspaper Coverage — Using Text Mining for Analysing Strategic Culture, *German Politics*, p. 209–227, <https://doi.org/10.1080/09644008.2021.1937602>.

29. Istomin, I. A. 2018, Comparative analysis of the Russian foreign policy priorities and research interests of the national academic community, *Vestnik RUDN. International Relations*, 2018, vol. 18, № 1, p. 162–185 (in Russ.).

30. Beauregard, P. 2016, Taking flight or crashing down? European common Foreign Policy and International Crises, *Journal of European Integration*, vol. 38, № 4, p. 375–392, <https://doi.org/10.1080/07036337.2015.1116527>.

31. Larsen, J. 2020, A small state addressing big problems. perspectives on recent Danish foreign and security strategy, *DIIS Report*, 44 p.

32. Bengtsson, M. 2016, How to plan and perform a qualitative study using content analysis, *Nursing Plus Open*, vol. 2, p. 8–14, <https://doi.org/10.1016/j.npls.2016.01.001>.

33. Pedersen, R. B., Ringsmose, J. 2017, Aktivisme i dansk udenrigspolitik: Norden, FN, NATO og EU, *Politica*, vol. 49, № 4, p. 339–357, <https://doi.org/10.7146/politica.v49i4.131229>.

34. Smith, M. 2011, European Responses to US Diplomacy: «Special relationships», transatlantic governance and world order, *The Hague Journal of Diplomacy*, vol. 6, № 3-4, p. 299–317, <https://doi.org/10.1163/187119111X585534>.

35. Wivel, A. 2020, Evig aktivisme i uendelig krig: sikkerhed, status og strategisk kultur i dansk udenrigspolitik, *Internasjonal Politikk*, vol. 78, № 3, p. 411–420, <https://doi.org/10.23865/intpol.v78.2536>.

36. Babynina, L. 2022, Denmark's referendum on cancellation of the defense opt-out, *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*, № 19, p. 73–79, <http://doi.org/10.15211/analytics21920227379>.

37. Istomin, I. A., Silaev, N. Y., Sushentsov, A. A. 2021, *Strategii soyuznichestva v sovremennom mire. Voенно-diplomaticheskii instrumentarii mezhdunarodno-politicheskoi konkurentsii* [Strategies of alliance formation in the modern world. The Military and Diplomatic Toolbox of International Political Rivalry], Moscow, MGIMO-University Publisher, 371 p. EDN: ROCCJY (in Russ.).

38. Haugevik, K. 2018, *Special Relationships in World Politics. Inter-state Friendship and Diplomacy After the Second World War*, Routledge.

The authors

Nikita E. Belukhin, Researcher, MGIMO-University; PhD Student, Junior Research Fellow, Department for European Political Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: belukhin@imemo.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7505-2356>

Dr Vladislav V. Vorotnikov, Director of the Centre for European Studies of Institute for International Studies, MGIMO-University, Russia; Leading Research Fellow, Institute of Europe Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: v.vorotnikov@my.mgimo.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3374-5677>

Dr Svetlana Y. Dianina, Senior Lecturer, Department of North European and Baltic Languages, MGIMO-University, Russia.

E-mail: s.dianina@my.mgimo.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8407-7640>

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))